

УДК 811

DOI 10.52452/19931778_2022_3_185

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ В РАМКАХ УНИВЕРСАЛЬНОЙ АНТИНОМИИ «СВОЁ–ЧУЖОЕ»

© 2022 г.

А.В. Кандыбина

Волгоградский государственный университет, Волгоград

av.kandybina@mail.ru

Поступила в редакцию 21.11.2021

Представлен анализ паремичных единиц русского и чешского языков в контексте дихотомии «своё–чужое». Описаны пословицы и поговорки с семантическими центрами «образ животного», «религиозные представления» и «природные образы». Выявлены наиболее частотные лексемы, участвующие в формировании метафорической целостности паремий разных славянских языков. Выделены тематические группы, репрезентирующие наиболее значимые аспекты жизнедеятельности человека. Определены семантические, структурные и стилистические средства создания иносказательности в единицах паремиологического фонда. Установлены характерные черты мировосприятия сравниваемых народов, выражающие специфическое отношение к явлениям и событиям реального мира. Рассмотрены особенности функционирования паремичных единиц в речевом дискурсе. В работе основным является сопоставительный метод, наряду с ним используются описательный метод, элементы метода лингвокультурологического анализа и компонентного анализа.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, антиномия, своё/чужое, культура, менталитет.

Изучение функционально-речевого аспекта языка приобретает особую актуальность в условиях повышенного интереса к вопросам межкультурной коммуникации. В рамках глобализации тенденция к активному взаимодействию представителей разных народов приводит к появлению проблемного поля, связанного с использованием в речи идиоматических единиц, обладающих культурно окрашенной спецификой. Устойчивые выражения, составляющие паремиологический фонд любого языка, представляют собой своеобразную формулу, с помощью которой происходит быстрое и эффективное решение коммуникативных задач. В первую очередь, это связано с действием закона экономии языковых средств, так как любая паремия интегрирует в своем составе определенную ситуацию, бытующую в условиях внеязыковой действительности, и соответствующее типовое отношение к ней. Носитель языка, употребляя пословицу или поговорку в процессе речепроизводства, осознает себя в качестве представителя того или иного этноса и калькирует мыслительные модели, отражающие особенности народного менталитета. Обращаясь к данному вопросу, В.М. Мокиенко высказывает следующую мысль: «... материал паремий дает возможность выявить общие правила коммуникативного поведения, т.е. морально-этические и этикетные регуляторы этноса, его аксиологические доминанты...» [1, с. 116].

В силу антонимичной природы человеческого мышления в языковой системе часто выстраиваются «пары оппозиционного или корреляционного характера: «ум» – «глупость», «любовь» – «ненависть», «мужчина» – «женщина» ... и т.п.» [2, с. 447]. Это позволяет структурировать паремиологический массив любого языка, так как данные бинарные оппозиции обладают общечеловеческим характером. Выбор универсальных антиномий в качестве предмета сравнительного анализа языков дает возможность выявить преобладающие ценностные установки рассматриваемых этнических групп и установить особенности национального мировосприятия. Особой актуальностью в указанной исследовательской области обладают работы, привлекающие в качестве материала данные родственных языков, имеющих общий генезис на ранних стадиях существования.

Семантическое наполнение паремичных единиц формируется на базе ключевых слов, несущих в себе ядерное значение. В связи с этим «выкристаллизовываются» тематические блоки пословиц и поговорок с определенными стержневыми, опорными компонентами, раскрывающими ту или иную сторону жизнедеятельности человека: «религия», «быт», «семья», «природа» и др. Однако особенность паремичных выражений заключается в образности и метафоричности, что приводит к появлению иносказательности: «... метафора в пословицах и поговорках способна выразить какие-либо

понятия, не имеющие семантической связи со словами-компонентами» [3, с. 112]. Тенденция к построению паремий на основе переносных значений объясняется стремлением показать сущность поведения или характера человека через обыденные, узнаваемые «зарисовки» реальности.

Опорной точкой нашего исследовательского интереса стали структурно-семантические особенности паремичных единиц русского и чешского языков в контексте универсальной антиномии «своё–чужое». Как отмечает О.Б. Истомина, «данная антиномия является предметом изучения социальной философии, социологии, этносоциологии, этнопсихологии, культурологии, социолингвистики и других наук уже на протяжении полутора веков» [4, с. 66]. Всеобъемлющий характер рассматриваемой дихотомии позволяет раскрыть культурно-ценностную базу рассматриваемых этносов на основе разносторонних явлений жизни. Важно подчеркнуть, что именно степень дифференциации своего, близкого, привычного и чужого, далекого, малознакомого способствует выявлению коэффициента толерантности как отдельной личности, так и целого этноса.

Образ животного как ключевой компонент, составляющий иносказательный центр паремий, формируется в русском и чешском языках на основе таких лексем, как *соловушка*, *птица*, *лисица*, *ворона*, *рыба* и *pták*, *ryba*, *sokol*, *vrána*, *kůň* соответственно. Следует обратить внимание на полную эквивалентность следующих лексем: *птица* – *pták*; *рыба* – *ryba*; *ворона* – *vrána*, которые обозначают либо родовое понятие (птица, рыба), которое впоследствии может персонализироваться, либо типичного представителя фауны (ворона). В русском языке распространены пословицы и поговорки, включающие разные образы, но несущие идентичную семантическую нагрузку: *Всякая лисица свой хвост хвалит*; *Всякая птичка свой зобок набивает*. Смысл данных пословиц можно свести к такому определению: «каждого человека в первую очередь беспокоит его собственная жизнь». Метафоричность в рассматриваемых случаях базируется на представлениях носителя языка о внешнем облике животного или об особенностях физиологических процессов: хвост лисы воспринимается как источник ценного меха, поэтому обладает особой значимостью в хозяйственной сфере деятельности; зоб птицы служит важным органом в процессе потребления пищи и питания птицы. Особенно важно подчеркнуть распространенность подобной конструкции в построении паремичных единиц: одночастная структура с начальным словом *всякий* (*каждый*) указывает на стандартизованную ситуацию.

С образом птицы связаны паремии *Глуна та птица, которой гнездо свое не мило*; *Бор сожгли, а соловушек по гнездышку плачет*, где ярко выражены представления о своем доме или родном месте, которое является для человека неким пристанищем. В чешском языке обнаруживается схожая семантика, но с более обобщенным образным планом. Внимание акцентируется на необходимости присутствия в жизни человека родины, отечества: *Rybám moře, ptactvu povětrí, a člověku širý svět za vlast* (*Рыбам море, птицам воздух, человеку родина*). Здесь важным становится естественная среда обитания животного, без которой немислимо его существование. Перенос законов животного мира на сферу человеческого мировосприятия достигается через прием параллелизма, который раскрывается в композиции развертывания.

Враждебность чужой страны подчеркивается в пословице *V cizím kraji i sokola za vránu mají* (*В чужом краю и сокола за ворону считают*). На первый план выходят различия между соколом, который обычно символизирует силу, отвагу, ум, смекалку, и вороной, ассоциирующейся с глупостью и невежеством. В чешском языке паремия носит назидательный, предупредительный характер: даже эрудированный человек в «чужеродной» среде может не получить должной оценки. Семантической особенностью пословицы является антитеза представлений о качестве, характере разных видов птиц, отраженная в чешской лингвокультуре.

Часто оппозиция *своё–чужое* используется в речевом дискурсе применительно к характеристике отношений между родителями и детьми. Например, русская пословица *Нет певчего для вороны супротив родного вороненка* отражает мнение о том, что свой ребенок всегда лучше чужих детей во всех проявлениях. Данное представление подчеркивает образ «певчего вороненка», так как птице приписывается нехарактерная для нее особенность, за счёт чего в паремии происходит нарушение лексической сочетаемости слов. Однако в других сферах жизнедеятельности человека действует диаметрально противоположная точка зрения: чужое становится более привлекательным, чем своё. Особенно ярко это проявляется в сравнении каких-либо материальных объектов: *В чужой лодке всегда больше рыбки*. Такое отношение к собственности других может вызывать не только зависть, но и противоправные действия, которые завуалированы в чешской паремии *Kdo na cizím koni jezdí, brzo se najezdí* (*Кто едет на чужом коне, скоро наездится*). Значение поговорки сводится к тому, что человеку следует осознавать границу между своим и чужим.

Религиозные представления находят активное выражение в паремичных единицах славянского лексического фонда. Прежде всего, это связано с историческим развитием верований славян, сложным и многоаспектным переходом от системы языческих традиций и дохристианской мифологии к осознанию сущности христианской религии: «Славянские языки в разной степени, но весьма последовательно отражают симбиоз язычества и христианства, следы которого отражены в их фразеологии и паремиологии [5, с. 55]. Как в русской, так и в чешской лингвокультурах можно разграничить пословицы и поговорки в зависимости от ключевой лексемы, которая может обозначать наименование высших сил (*бог – bůh; черт – čert*) или название предметов, объектов, образов, непосредственно связанных с религиозной сферой (*пономарь, монастырь, вертеп, душа; Eva, kostel, oltář* и др.).

Паремии первой группы преобладают и могут выражать различные оттенки значений в рамках исследуемой антиномии. Забота о собственном благополучии составляет идейный центр русской пословицы *Дай бог умереть хоть сегодня, только не нам*. Лексема *бог* входит в состав устойчивого обращения *дай бог*, которое в данном примере приобретает ироническое звучание в связи с общим пафосом паремии: безразличие к чужой жизни. Эквивалентное значение имеет пословица, использующая религиозный обряд в качестве центрального образа: *Не наше дело, что пора звонить приспела: есть на то пономари*. В чешском языке похожей семантикой обладает паремия *Eva jablko snědla, a muži ohryzek dala* (*Ева яблоко съела, и мужу огрызок дала*). Важно отметить, что здесь используются прецедентные образы, отсылающие к библейским сюжетам, что характеризует важность христианских ценностей установок для чешской лингвокультуры.

Повышенный интерес человека к чужим ценностям декларируется в пословице *В чужую жену черт мед кладет, в свою укусу подливает*, где противопоставление своего и чужого выражено при помощи соответствующих антонимов, что добавляет паремии повышенную коннотацию. Следует отметить, что подобное желание обладать чем-либо чужим приравнивается к греху и находит связь с темными силами, обозначенными через лексему *черт*. В чешском языке лексема *черт* становится репрезентантом высшей степени стремления «захватить» чужое: *Podej čertu prst, už chce celou ruku* (*Дай черту палец, уже хочет целую руку*).

Бог как полная противоположность представителей темных сил, наоборот, всегда неравно-

душен к чужим переживаниям и проблемам. Такая семантика прослеживается в чешских паремичных единицах: *Každý o sebe, pán bůh o všecky* (*Каждый о себе, пан бог обо всех*); *Kdo rád z svého udělí, toho pán bůh nadělí* (*Кто доволен своей жизнью, того бог одарит*). Важно подчеркнуть структурную организацию данных пословиц. В первом случае двухчастная композиция раскрывает основное отличие человека и бога – для бога нет разделения на своих и чужих. Во втором структура *kdo..., toho...* называет определенное условие, связанное с отношением человека к собственной жизни. Неслучайно в чешской лингвокультуре функционирует поговорка, отражающая желание получить все возможности, которыми обладают божественные силы: *Každý chce svým bůžkem býti* (*Каждый хочет быть богом*).

Природные образы являются для носителей языка востребованным способом изображения каких-либо качеств, свойств и характеристик человека. Это объясняется особенностями формирования паремичных единиц в народной среде, где природа всегда влияла на темп жизни и условия существования человека. С этим связано наблюдение за разнообразными природными явлениями, результаты которого традиционно фиксировались в произведениях малого фольклорного жанра, так как «минимализм пословиц позволяет считать их весьма компактнымместилищем, или упаковкой опыта» [6, с. 36]. Лексемы, передающие колорит русской и чешской природной среды, обычно отражают базовые, наиболее распространённые элементы действительности: *сосна, лес, трава, бор и bláto (bahno), voda, pole*. Однако метафорическое преобразование основного лексического значения данных слов приводит к появлению новых смыслов.

В русском языке в рамках антиномии «свое–чужое» раскрывается специфика взаимопомощи: обычно люди более активно помогают тем, с кем они связаны родственными или дружескими отношениями, то есть выделяется своеобразная группа «свои». Об этом свидетельствует поговорка *Далеко сосна стоит, а своему лесу веет*, где лексема *сосна* обозначает дерево, которое воспринимается как часть бора. Это служит образом взаимоотношений между людьми: русский человек мыслит себя в качестве субъекта «закрытого» коллектива (круг семьи, круг друзей и т.д.), которому он всегда готов оказать поддержку.

Общеизвестная в русской лингвокультуре поговорка *После нас хоть трава не расти* требует особого внимания, так как ее значение соотносится с положением человека на пространственно-временной оси. Будущее, по сравнению

с современностью, мыслится как нечто далекое и не привлекающее особого внимания; никого не интересует судьба грядущих поколений. Используемый при этом образ травы не обладает высокой степенью концентрации природного потенциала. Тем не менее с помощью данной единицы выражаются элементарные биологические законы. Такой категоричности по отношению к будущему времени не встречается в чешской паремике.

Бытовое понимание собственности сводится и в русском, и в чешском языках к стремлению обладать даже самыми незначительными материальными ценностями: *Ближняя соломка лучше дальнего сенца*. В приведенной паремии реализуются синтагматические связи языковых единиц: использование синонимов *соломка—сенцо* служит средством избежания лексического повтора и способом оформления стилистического облика пословицы.

Особое распространение в речевой практике получают однокомпонентные паремичные единицы с начальным словом *каждый (всякий)/každý*: *Всяк кулик свое болото хвалит; Každý rád, když sám z bláta vyleze (Каждый рад, когда сам из грязи выберется); Každý rád na svůj mlýn nahání vodu (Каждый рад на свою мельницу носить воду)*. Данная структура подчеркивает универсальность и всеобщность представлений о своем благе.

Проведенный анализ позволяет говорить о широкой представленности в русском и чешском языках паремий, репрезентирующих социокультурно значимую антиномию «свое—чужое». Используемые языковые средства формируют образы, отражающие различные стороны жизни человека. Среди рассмотренных пословиц и поговорок были выявлены следующие тематические группы, образующие соответствующие семантические поля: «жизнь», «дом», «родина», «семья», «дружба», «материальное благо». Однако в каждом языке единицы данных семантических полей имеют разную степень выраженности. Например, в русской паремике в контексте пословиц с ключевым компонентом «образ животного» активно функционирует группа «жизнь» и «дом». В чешском языке эти понятия расширяются до тематической группы «родина», которую, однако, можно выделить и в русском языке при широкой трактовке таких паремичных единиц, как *Глуна та птица, которой гнездо свое не мило; Бор сожгли, а соловушек по гнездышку плачет*.

В русском языке особую значимость приобретают семейные и дружеские взаимоотношения, формирующие такие тематические группы, как «семья» и «дружба». Значение «свой ребен-

нок лучше чужого» не находит выражения в чешском языке, что позволяет провести определенную грань между менталитетом представителей разных этносов.

Широкое распространение получает семантика «чужое привлекательнее, чем своё». При этом для выражения данного значения используются различные метафорические образы: образ животного (*В чужой лодке всегда больше рыбки*), религиозные представления (*В чужую жену черт мед кладет, в свою укусу подливает*). Тем не менее встречаются паремии с противоположным значением: *Ближняя соломка лучше дальнего сенца*. Рассматриваемые примеры фокусируют внимание на амбивалентности мышления русского народа и отражают тематическую группу «материальное благо».

В сознании носителей чешского языка закреплено представление об осторожном отношении к чужому богатству, так как стремление «захватить» чужое приравнивается к грехопадению. Черт выступает главным искусителем как в русских, так и в чешских паремиях, а бог представляется как высшая субстанция, сущность которой состоит в одинаковом отношении ко всем и всему. Помимо этого, в чешском языке отмечается стремление человека обрести силу, равную возможностям бога, что косвенно «вскрывает» зависть людей, вызванную наличием чего-либо «ценного» у других.

Общим в построении русских и чешских паремий является активное использование композиции с одночастной структурой и начальным словом *каждый (всякий)/každý*. Вместе с тем нередко встречаются двухчастные модели противопоставления (русский язык) и развертывания (чешский язык). Помимо этого, необходимо отметить, что в русском языке востребованы единицы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, придающие паремии иронический, а в некоторых случаях и саркастический акцент: *соломка, сенцо, соловушек, гнездышко, вороненок, птичка, зобок и др.*

Таким образом, в языковых единицах идиоматического характера отражается мировоззрение того или иного народа. Использование метафоричности и иносказательности как языковых приемов позволяет зафиксировать в компактных образах развернутые ситуации внеречевой действительности и аккумулировать многовековой опыт этноса. В речевой практике за употреблением паремии всегда стоит типичное прецедентное отношение к существующему в реальности факту, характерное для всех носителей данного языка. В связи с этим сравнительный анализ языков позволяет говорить о специфическом восприятии одинаковых явлений представителями разных этнических групп.

Список литературы

1. Мокиенко В.М. Аксиологические аспекты восточнославянских пословиц в сопоставлении // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 1. С. 114–126.
2. Норман Б.Ю. Сопоставительная славянская фразеология и паремиология: краеугольные камни преткновения // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. № 3. С. 446–456.
3. Потапова Н.А., Шукина Д.А. Русские поговорки и механизмы человеческого мышления (выражение обобщенного значения) // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2020. № 4. С. 109–119.
4. Истомина О.Б. Диалог в условиях диспозиции «Свой–чужой» // Вестник БГУ. 2010. № 6. С. 66–70.
5. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Концептуальная дихотомия «Бог» – «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного ун-та. 2019. № 447. С. 55–62.
6. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.

**THE SPECIFICS OF THE REFLECTION OF ETHNIC WORLD OUTLOOK
IN THE PAROEMIAS OF THE RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES IN THE FRAMEWORK
OF THE UNIVERSAL ANTINOMY «OWN-ALIEN»**

A.V. Kandybina

The article presents an analysis of the paremic units of the Russian and Czech languages in the context of the dichotomy «own-alien». Proverbs with semantic centers «animal image», «religious ideas» and «natural images» are described. The most frequent lexemes involved in the formation of the metaphorical integrity of the paroemias of different Slavic languages are revealed. Thematic groups representing the most significant aspects of human life are highlighted. Semantic, structural and stylistic means of creating allegory in the units of the paremiological fund are determined. The characteristic features of the world outlook of the compared peoples are established, expressing a specific attitude to the phenomena and events of the real world. The features of the functioning of paremic units in speech discourse are considered. The comparative method is the main one in the work, along with the descriptive method, elements of the method of linguoculturological analysis and component analysis are used.

Keywords: paremia, proverb, antinomy, own/alien, culture, mentality.

References

1. Mokienko V.M. Axiological aspects of Old Slavic proverbs in comparison // Bulletin of Cherepovets State University. 2021. № 1. P. 114–126.
2. Norman B.Yu. Comparative Slavic phraseology and paremiology: cornerstones of stumbling // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature. 2020. № 3. P. 446–456.
3. Potapova N.A., Shchukina D.A. Russian paroemias and mechanisms of human thinking (expression of generalized meaning) // Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2020. № 4. P. 109–119.
4. Istomina O.B. Dialogue in the conditions of the disposition «Friend–foe» // Bulletin of BSU. 2010. № 6. P. 66–70.
5. Lomakina O.V., Mokienko V.M. The conceptual dichotomy «God» – «devil» in Rusyn phraseology and paremiology (on a Slavic background) // Bulletin of the Tomsk State University. 2019. № 447. P. 55–62.
6. Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M. Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning // Bulletin of Moscow State University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2019. № 3. P. 34–43.